

5. Волонтаризм внешней политики

Предпринятые Хрущевым в 1953 — 1954 гг. внешнеполитические акции сыграли решающую роль в узаконивании завоевываемого им положения руководителя первого ранга. Зарубежные визиты (порывавшие со сталинской привычкой почти не выезжать из страны) малоизвестного еще Первого секретаря ЦК КПСС значительно укрепили позиции Хрущева в борьбе внутри руководства накануне XX съезда КПСС. Начиная с XX съезда стала очевидной тенденция советских руководителей привести свою внешнюю политику в большее соответствие с новыми реалиями современного мира. Приближенный к Хрущеву в те годы Микоян жаловался, что большинство советских теоретиков довольствуются тем, что «повторяют и перефразируют старые цитаты и формулировки» и не могут предложить ничего нового в своих исследованиях современного мира. Сразу же после XX съезда при Академии наук СССР был создан Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), который положил начало новым подходам, особенно в изучении стран третьего мира, и пользовался особым расположением Хрущева и его окружения. В этот же период, в апреле 1956 г., был распущен Коминформ, переставший быть эффективным инструментом внешней политики.

В 1956 — 1964 гг. Хрущев резко активизировал внешнюю политику, придав ей, по позднейшему утверждению отстранившей его от власти группы руководителей,

«волюнтаристский» характер. Три основные тесно связанные между собой проблемы определяли содержание внешнеполитических усилий хрущевского периода: отношения с Западом (сведенные преимущественно к отношениям с Соединенными Штатами, выступавшими привилегированным партнером), раскол внутри «социалистического лагеря», столкнувшегося с двойным кризисом (внутренним, начавшимся событиями осени 1956 г., который советские руководители пытались предотвратить, стараясь вовлечь страны Восточной Европы в реформы, идентичные проводимым в СССР, и кризисом руководства, связанным с неприятием китайскими коммунистами изменений в политике КПСС, а затем и с отрицанием ими ее руководящей роли), наконец, выход на международную арену «национально-демократических» стран третьего мира, на развитие которых Советский Союз старался оказать свое влияние. С учетом мощи Советского Союза и социалистического лагеря прозвучавшее на XX съезде утверждение Хрущева о том, что генеральной линией внешней политики СССР должно отныне стать мирное сосуществование, представлялось вполне реалистичным.

Начиная с 1957 г., когда Советский Союз завершил работу по созданию межконтинентальных ракет, осуществил запуск первых спутников, тем самым обогнав Соединенные Штаты (лишь на время и то только в области баллистики), оптимизм Хрущева получил новый импульс. Советский руководитель мог теперь позволить себе бравировать угрозой массированного возмездия Соединенным Штатам, если те решатся на ядерную атаку. Если на XX съезде он утверждал, что Советский Союз достаточно силен, чтобы убедить империализм воздержаться от войны против него, то теперь он считал, что Советский Союз имеет средства разубедить Соединенные Штаты «экспортировать контрреволюцию». В этих условиях и если бы социальные процессы в каждой стране развивались так, как это им предписывал марксистский детерминизм, победа социализма в мире была бы обеспечена в обозримом будущем. Различные факторы (прежде всего процесс деколонизации) позволяли говорить о необратимости движения человечества к социализму, которое Советский Союз был призван вдохновлять и ускорять, активизируя свою политику в третьем мире.

В хрущевской диалектике экономическое соревнование и мирное сосуществование шли рука об руку, опираясь на достигнутые Советским Союзом рубежи. Динамизм советского общества, подкрепленный на XXI съезде партии теорией перехода от социализма к коммунизму, гарантировал бы мирное сосуществование различных стран. В свою очередь оно должно было обеспечить благоприятные условия для экономического расцвета Советского Союза, позволив сократить военные расходы на некоторые виды обычного оружия и направить средства в другие секторы экономики. Все более крепнущая экономика позволила бы оказывать экономическую помощь третьему миру, укрепляя его независимость и сокращая «сферу влияния империализма».

Политика мирного сосуществования, задуманная как новая форма противодействия Западу, искусно чередуя давление с компромиссами и не доводя дело до войны, объясняет сложное на первый взгляд переплетение противоречивых инициатив советской дипломатии, в период 1956 — 1964 гг. сочетавшей угрозы с перспективами разрядки напряженности.

Принятая в отношении Западной политики предполагала в первую очередь полное признание им итогов второй мировой войны и завоеваний социалистического лагеря. В этом аспекте основной заботой советского руководства стал Берлин, статус которого постоянно ставил под сомнение положение ГДР как государства. Открытый город, витрина Западной в самом сердце ГДР, Западный Берлин был, по выражению В.Ульбрихта, «раком», снедавшим изнутри западную границу социалистического лагеря. В ноябре 1958 г. советское правительство обратилось к западным державам с предложением пересмотреть статус Берлина, который должен был стать свободным и демилитаризованным городом. Советский Союз предоставлял Западу шестимесячный срок для переговоров с ГДР, по истечении которого СССР подписал бы с этой страной сепаратный договор о мире, дававший ей полную власть над Восточным Берлином, что поставило бы Западный Берлин в затруднительное положение. Для проведения переговоров по немецкой проблеме Хрущев выразил желание созвать конференцию четырех «великих держав». Получив отказ от Западной, не пожелавшей при-

нять его предложение, Хрущев согласился отодвинуть установленные им сроки, надеясь добиться желаемой встречи. Принципиальная договоренность была достигнута после визита Хрущева в Соединенные Штаты в сентябре 1959 г.

Первый в истории визит главы Советского Союза в Соединенные Штаты имел для Хрущева огромное значение. Визит укреплял международный престиж Советского Союза, к которому Соединенные Штаты должны были отныне относиться почти как к равному партнеру. В течение всего турне по США Хрущев превозносил выгоды сотрудничества обеих стран, а также идею мирного сосуществования, которое, по его мнению, естественным и спокойным образом должно было привести к победе коммунизма («Ваши внуки, — заявил он в выступлении по американскому телевидению, — будут жить при коммунизме») именно благодаря мирному соревнованию.

Из переговоров Хрущева с Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде советский руководитель вынес впечатление, что американский президент готов пойти на уступки в отношении Берлина. Было решено создать конференцию четырех в мае 1960 г. в Париже.

Меньше чем за две недели до открытия конференции Хрущев объявил, что советская ПВО сбила американский самолет У-2, с шпионскими целями вторгшийся в воздушное пространство СССР. Тем не менее Хрущев поехал в Париж, где 16 мая, в самом начале работы конференции, потребовал, чтобы Эйзенхауэр принес публичные извинения и немедленно дал распоряжение о прекращении разведывательных полетов американских самолетов. Американский президент, поддержанный де Голлем, отказался удовлетворить требование Хрущева. Конференция не состоялась. По мнению М.Татю, покинуть конференцию Хрущева, по-видимому, вынудили его коллеги вопреки его желанию. И в самом деле, провал конференции ослабил политические позиции Хрущева, многие сторонники которого были выведены из Президиума по завершении пленума ЦК, собравшегося после истории с самолетом-шпионом. С другой стороны, Хрущев вряд ли позволил бы себе участвовать в подобной встрече, не рассчитывая на какой-либо успех. Американская сторона в своих многочисленных заявлениях давала понять, что Соединенные Штаты не были готовы пойти на уступку в отношении Берлина. Провал конференции укрепил, помимо прочего, позиции Пекина, по мнению которого советская политика разрядки напряженности никак не способствовала тому, чтобы империализм стал более «сознательным».

Провалом закончилась и встреча Хрущева с новым американским президентом Дж.Кеннеди в июне 1961 г. в Вене. Вдохновленный фиаско поддержанной американцами высадки антикастровских сил в заливе Кочинос 17 апреля 1961 г., Хрущев обратился к Кеннеди с воинственной речью и выдвинул новый ультиматум по берлинскому вопросу, объявив, что СССР заключит мирный договор с ГДР до конца года.

5 августа 1961 г. Политический консультативный комитет Варшавского Договора призвал ГДР принять меры против «подрывной деятельности» Западного Берлина (на самом деле прежде всего против массовой эмиграции восточных немцев) 19 августа правительство ГДР воздвигло в Берлине знаменитую «стену», нарушив этим четырехсторонний Потсдамский договор который гарантировал свободное передвижение по городу. Казалось, вернулись времена «холодной войны». В сентябре Советский Союз разорвал заключенное с Соединенными Штатами соглашение о моратории на ядерные испытания в атмосфере и произвел серию мощных взрывов. В начале октября Соединенные Штаты сообщили Советскому Союзу, предъявив в подтверждение фотоматериалы, об установленном ими факте наличия у СССР значительно меньшего количества ракет, чем предполагалось, и об очень большом превосходстве США в этой области. После этого возможности Советского Союза «увещевать» оказались значительно меньшими. По-видимому, именно по этой причине Хрущев спустил критическую ситуацию на тормозах, выступив с трибуны XXII съезда с публичным заявлением, что установленный для урегулирования статуса Берлина срок (31 декабря 1961 г.) не окончателен.

Между тем разногласиям великих держав по берлинскому вопросу предстояло отойти на второй план в общей картине международных отношений, поскольку назревал новый и наиболее глубокий после 1945 г. кризис, инициированный размещением советских ракет на Кубе. Несмотря на заверения Кастро о социалистическом, а затем и «марксистско-ленинском» характере кубинской революции, советские руко-

водители в 1960 — 1961 гг. были весьма сдержанны по вопросу включения Кубы в социалистический лагерь. Признать эту маленькую и легко уязвимую страну, расположенную вблизи от побережья США, социалистической, значило для СССР взять на себя новую стратегическую ответственность, к которой он, по мнению советских руководителей, еще не был готов. В кризисной ситуации 1961 г. социалистическая Куба имела все шансы стать самой болезненной точкой социалистического лагеря, чем-то вроде «Берлина наизнанку». Только в апреле 1962 г. под нажимом Кастро и, как всегда, в погоне за показными, даже авантюрными инициативами во внешней политике Хрущеву удалось добиться согласия советского руководства признать социалистический характер кубинского опыта. Несомненно, именно благодаря этому чуть позже было принято решение об установке на территории Кубы ядерных ракет средней дальности. Основания, легшие в основу этого решения Советского Союза, получили в дальнейшем разные интерпретации и оценки. Согласно мнению одних (М.Татю), ракеты на Кубе размещались, скорее всего, с тем, чтобы выровнять стратегический баланс между СССР и США после того, как обнаружилось американское преимущество. По мнению других (Ж.Лэвек), включение Кубы в социалистический лагерь привело к необходимости активно защищать остров против любой американской интервенции. Присутствие ядерных ракет было мощным фактором устрашения, особенно если бы удалось поставить Вашингтон перед свершившимся фактом, после того как ракеты были размещены и приготовлены к действию. В обоих случаях такая операция при условии ее быстрого осуществления могла оказаться выгодной.

22 октября 1962 г., через несколько дней после того, как Соединенные Штаты узнали о работах по установке советских ракет, Кеннеди объявил морскую блокаду Кубы и потребовал в кратчайшие сроки демонтировать и вывезти ракеты. Американская администрация ожидала аналогичного ответа со стороны Советского Союза в отношении столь же уязвимого Берлина, однако его не последовало. Советский Союз ограничился бурным протестом. Убедившись в решимости американцев, 25 октября Хрущев направил Кеннеди послание, в котором сообщил о своей согласии вывести ракеты под контролем ООН, если Соединенные Штаты навсегда откажутся от захвата Кубы. 27 октября Хрущев направил второе послание, которое содержало дополнительное требование к США о выводе американских ракет из Турции. Кеннеди решил принять условия первого послания и проигнорировать второе. Советскому Союзу ничего не оставалось, как удовлетвориться этим, положив, таким образом, конец кризису.

Последствия кубинского кризиса были серьезными. Несмотря на присоединение к социалистическому лагерю нового государства и шумную пропаганду заслуг Советского Союза в сохранении мира во всем мире, СССР подвергся глубокому унижению и его престиж был сильно подорван. Упали и политические акции Хрущева, сыгравшего решающую роль в этом деле. Ракетный кризис заставил его задуматься не только об опасности, но и о пределах своих возможностей в достижении целей путем конфронтации и угроз с сомнительных позиций силы. Ядерный паритет не был панацеей — не меньшее значение имело наличие сил для интервенции и устрашения в том или ином регионе. В годы после кризиса Советский Союз приложил немало усилий, чтобы развить эту часть вооруженных сил (морских, например), которым до сих пор из-за увлечения Хрущева «всем ядерным» оказывалось явно недостаточное внимание.

Общее стремление предотвратить опасность тотальной войны, ставшую благодаря этому кризису очевидной, проявилось в последующие месяцы в установке прямой линии связи между Кремлем и Белым домом для предупреждения возможных ошибок той и другой стороны в анализе и трактовке событий. Наконец, 15 августа 1963 г. был подписан договор о частичном запрещении ядерных испытаний, первое формальное соглашение по контролю над вооружениями, заключенное «великими державами» и ставшее решающим этапом в их отношениях и установлении форм сосуществования.

Кубинский кризис завершил раскол в китайско-советских отношениях, который вызревал с 1956 — 1957 гг., когда Мао Цзэдун приписал «ревизионизму» провал своей «кампании Ста цветов». По мнению Мао, ревизионизм, объявленный отныне «врагом № 1», имел две причины: внутреннюю (непрекращающееся «буржуазное влияние») и внешнюю («капитуляцию» перед империализмом). Этот тезис стал теоретической основой китайской оппозиции советской политике мирного сосуществования.

Эта оппозиция не подразумевала, однако, немедленного столкновения, поскольку Мао надеялся повлиять на советское руководство путем убеждения. На состоявшейся в Москве в ноябре — декабре 1957 г. конференции коммунистических и рабочих партий китайский руководитель истолковал преимущество Советского Союза в области ракетных вооружений как общее превосходство социалистического лагеря над империализмом и объявил, что отныне «ветер с Востока сильнее ветра с Запада». Из этого следовал вывод о необходимости сплотить ряды вокруг Советского Союза и заставить империализм отступить. На конференции Мао объяснял, что, конечно, лучше избежать третьей мировой войны, но бояться ее не стоит, так как в результате ее «многие сотни миллионов людей перейдут на сторону социализма и настанет конец империализму».

Затем, когда стали очевидны попытки Хрущева найти формы сосуществования с империализмом, советско-китайские отношения начали ухудшаться. По мнению китайских руководителей, разрядка напряженности в советско-американских отношениях могла принести китайским интересам только ущерб. За несколько дней до отъезда Хрущева в Соединенные Штаты между Индией и Китаем разразился острый пограничный кризис. Советский Союз выступил с декларацией, в которой выражал сожаление по поводу конфликта между двумя дружественными ему странами. Для Китая эта декларация была равносильна заявлению о нейтралитете в конфликте между социалистическим государством и буржуазным и свидетельствовала о нетерпимом разрыве с принципами пролетарского интернационализма. Сразу после своего визита в Соединенные Штаты Хрущев направился в Пекин на встречу с Мао, во время которой открыто защищал выгоды разрядки напряженности, вплоть до утверждений о действительной заинтересованности Эйзенхауэра в мире. Несколькими месяцами позже, в апреле 1960 г., Мао ответил на доводы Хрущева публикацией обширной передовицы по случаю 90-летия со дня рождения Ленина, которую он озаглавил «Да здравствует ленинизм!». Под маской критики ревизионизма в Югославии статья разоблачала принципиальный отход всей внешней политики СССР от марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма и революции и скатывание ее в ревизионизм. Тем временем Хрущев сообщил китайским руководителям, что совместные работы по созданию атомной бомбы будут прекращены. Летом 1960 г. Москва неожиданно отозвала тысячи советских экспертов и специалистов, помогавших Китаю в создании его промышленной базы, прервав осуществление многих проектов. Были также сокращены или задержаны поставки сырья, оборудования и запасных частей. Позже Советский Союз потребовал возвращения кредитов, предоставленных начиная с 1950 г.

Вместе с тем прошедшая с 10 ноября по 3 декабря 1957 г. в Москве международная конференция, в которой приняли участие представители 81 партии, показала падение авторитета Советского Союза в коммунистическом мире. Партии ряда стран (Албании, Северной Кореи, Индонезии) перешли на сторону Китая. Хрущеву все же удалось провести на конференции советские тезисы; китайцы, желая сохранить миф о единстве социалистического лагеря, согласились подписать заключительный документ, со многими пунктами которого они были несогласны. Кубинский кризис ускорил разрыв. Советско-американское соглашение о выводе ракет было оценено китайцами как повторение мюнхенского сговора. В феврале и марте 1963 г. китайская пресса выступила с четырьмя статьями, разоблачавшими «капитулянтство» Хрущева, а также «неравные договоры», навязанные царской Россией Китаю. За статьями последовала нота из 25 пунктов, переданная в советское посольство в Пекине в июне 1963 г. Это был исчерпывающий и провокационный обвинительный документ, направленный против всех основных установок советской политики. СССР ответил на нее в июле в том же тоне. Китайские дипломаты были высланы из Москвы за антисоветскую пропаганду. После этих инцидентов состоявшийся в феврале 1964 г. пленум ЦК КПСС одобрил доклад М.Суслова, обвинившего Пекин в империалистических устремлениях, скрываемы за его политикой помощи народам, борющимся против колониализма. Со своей стороны китайское руководство во все более категорической форме настаивало на своих территориальных притязаниях. В июле 1964 г. Мао заявил, что выдвинутые японцами претензии в отношении Курильских островов

вполне «справедливы» и что Советский Союз должен вернуть Китаю захваченные у него территории.

Одновременно с этим главным конфликтом в сердце социалистического лагеря в 1963 — 1964 гг. утвердилось противостояние между СССР и Румынией. Его непосредственной причиной, стал советский план координации национальных экономик стран Восточной Европы в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Вплоть до смерти Сталина существование этой организации имело в большой степени формальный характер. Если вслед за Советским Союзом ГДР и Чехословакия высказались в конце 50-х гг. за ускорение и углубление процесса экономической специализации, то Румыния, опасавшаяся, что ей будет предложено сосредоточиться преимущественно на сельском хозяйстве была против. Решимость советского правительства форсировать экономическую интеграцию восточноевропейских стран, про явившаяся именно в 1961 — 1962 гг., не в последнюю очередь была определена кризисом в советско-китайских отношениях . «отступничеством» Албании. Экономическая интеграция стала одним из средств борьбы против центробежных политических, тенденций. Планы советских и румынских руководителей при шли в непримиримое противоречие, так как румыны были решительно настроены на продолжение политики индустриализации которая, казалось, уже принесла некоторые результаты. Оказавшись под давлением советской стороны, румынское руководство смягчило свою критику в адрес Китая и Албании. Поняв, что продолжение давления на Румынию на руку китайцам, Хрущев пересмотрел свои позиции, и на сессии СЭВ 24 — 26 июля 1963 г. в Москве требования Румынии были удовлетворены.

Тем не менее в апреле 1964 г., когда напряженность в советско-китайских отношениях поднялась на новую ступень, Румыния дала понять, что не будет участвовать ни в одной международной конференции, на которой будет отсутствовать Китай. Румынское диссидентство из экономической сферы переходило политику и, сверх того, становилось открытым. Видя усиление центробежных тенденций, Хрущев в июле 1964 г. решил провести международную конференцию всех коммунистических и рабочих партий 15 декабря, в ходе которой предполагалось осудить китайский албанский и румынский уклоны. Задуманной конференции не суждено было состояться, так как Хрущев был снят со своих постов. Одной из важнейших причин отставки Хрущева в октябре 1964 г., безусловно, стало его руководство социалистическим лагерем, который находился в состоянии распада и дезорганизации.

Советская политика в отношении третьего мира также не принесла к 1964 г. ожидавшихся результатов. Вместе с тем она способствовала разработке Институтом мировой экономики и международных отношений новых политических подходов, отражавших тенденции к большей умеренности и постепенности в отношении поставленных целей. Международная конференция коммунистических и рабочих партий (ноябрь — декабрь 1960 г.) одобрила предложенное советской стороной понятие «государство народной демократии». Отнесенным к этому типу независимым государствам третьего мира отводилась решающая роль в период «третьей фазы общего кризиса капиталистической системы». Согласно журналу «Коммунист», только пять государств отвечали установленным критериям (защита экономической и политической независимости, аграрная реформа и экономическое развитие, исключаящие какое бы то ни было проникновение иностранного капитала, политическое руководство со стороны «прогрессивных сил»): Куба, Гвинея, Гана, Мали и Индонезия. И в самом деле, несмотря на все усилия советской дипломатии, ни Объединенная Арабская Республика (получившая от СССР кредит в 100 млн. долл. на строительство Асуанской плотины и в то же время продолжавшая преследовать коммунистов), ни Ирак (где революция 1958 г. покончила с британским влиянием, не приведя, однако, к установлению советского), ни Конго (в защиту целостности которого Хрущев выступил в ООН в сентябре 1960 г., вызвав скандал тем, что во время выступления стучал ботинком по столу) не вошли в клан государств «народной демократии». Хрущевский волюнтаризм, не способный предложить этим странам притягательную модель развития, вел их в тупик.